Свидетельство миссионера. Часть 2. Брат Д. Осипчук

Дорогие друзья, очень приятно быть и сегодня в этом общении. Для меня очень близко каждое собрание. И когда мне сказали, задолго еще до сегодняшних дней, о том, что предстоит быть на этом молодежном общении, я молился и просил Господа, чтобы Господь усмотрел меня полезным в этом деле. А чтобы быть полезным нужно сказать то, что нужно. Дома дети меня спрашивали:

- Папа, ты куда едешь?

- Я еду говорить.

Они удивились:

- Ты дома говоришь?

Дома это не так, а говорить здесь — это очень серьезно и ответственно.

Анализируя наши собрания, вчера и сегодня — я удивляюсь, как Бог всё видит, и как чудно всё устраивает.

Мы замечаем некоторые моменты в жизни, и в Священном Писании Иисус Христос говорил, что скажут «вот там Господь или там Христос» в каком-то одном месте. А для нас Господь открывает великую благодать Свою, что мы можем видеть всеобъемлющую Его руку и Его великое благо, которое Он совершает полностью во всех направлениях: вокруг нас, в нас, возле нас, в городе, в стране, во Вселенной. Нам трудно это увидеть, но когда мы обращаемся к Господу и просим, Он для нас открывает.

У меня было такое наблюдение, вчера скрипичный оркестр был. В свое время и я тоже музыкой занимался, у меня из деток трое скрипачей. И вчера скрипка радовала сердце и радовала слух,

даруя нам утешение, располагая кого-то к умилению. Тонкие звуки касались нашего сердца и мы видели с вами результат — души выходили и обращались к Господу. Слёзы были на очах, слёзы великой радости, которую можем мы иметь, и Господь предоставил нам эту радость. А сегодня очень тревожный день, сегодня труба зовёт. Сегодня Духовой оркестр волнует нашу внутренность. И уже это идёт как призыв, более серьезное обращение к каждому из нас здесь присутствующих. Как вы думаете, братья-служителя, которые проповедуют, сидят перед вами в возрасте, они молятся, готовятся к собранию? А вообще в жизни своей, они каются или нет? Есть такое место в Слове «итак, братья святые, участники в небесном звании» - торжественное обращение такое. Кажется людям, о которых идёт речь в этом обращении, не надо каяться, они уже святые, уже участники в небесном звании. Они пошли, пошли... и уже почти на Небе. Только пока ещё ногами ходим здесь на земле. И уже трудно представить, что кому-то надо каяться. Но знаете, мы просим прощения, потому что обнаруживаем в себе, когда имеем близость к Господом, что у нас есть не так, что не достаёт к тому, чтобы взойти на следующую (духовную) ступеньку.

Сегодня была речь о старшем сыне. Я молился сегодня и говорил: «Господи! Помоги мне услышать, прежде всего, что хочешь Ты мне сказать!. Для меня очень тревожный сегодня день. Я старший сын в семье. У меня два младших брата. И первое Слово очень сильно меня коснулось. Я услышал для себя кто я такой, как я отношусь к своим братьям, правильно ли я к ним отношусь. И пока я слушал, внутри меня была большая переоценка ценностей. Великое благо услышать для себя Слово (которое Господь говорит). Вчера брат призывал к тому, чтобы лично на себя обратить внимание в нашем общении. Чтобы, слушая Слово, каждый лично обратил на себя внимание и лично к себе принял то, что будет здесь звучать, в стихах ли, в пении, в участии ли Словом, в свидетельствах ли. Да, Тимофею тоже апостол Павел говорит: «Так спасёшь себя и слушающих тебя!» И говорит человеку, который в тюрьме начальствует: «Спасешься ты и весь дом твой!» Но ты первый должен это сделать. И вопрос этот касается, конечно же, нас лично, но не только в личной нашей жизни. А завтра? Когда мы перешагнем этот день. Завтра этот вопрос будет касаться наших близких. На нас возлагается ответственность нести свет людям, среди которых мы будем находиться.

Тема и место Писания об Иисусе Христе, и мне вспомнилось ещё одно место, где Христос свидетельствует о Себе и говорит «Я есть путь, истина и жизнь». И опять в заключении «жизнь». Это дорогое, всеобъемлющее, наполненное слово — жизнь. Трудно нам понять во всей полноте, что же такое жизнь? Я исследовал вопрос, как Христос свидетельствует о Себе — Я есть путь. Почему не дорога? Есть разница между путём и дорогой? Как вы думаете? Слова разные, а значит и разные значения? Помните притчу о сеятеле? Посеянное семя при дороге. Почему там не сказано при пути? Написано «при дороге». По дороге люди прохаживаются в две стороны, а что такое путь? Может быть, мне более это понятно, потому что работаю водителем вездехода в тундре, и приходится ехать первым, чтобы проложить путь остальным. Я прокладываю след по целику. Снежный целик — это местность, где не проходила техника в текущем году. То есть в прошлых годах она проходила, а сейчас снег выпал, дороги нет или её не видно. И мне нужно проехать, чтобы потом за мной шла остальная техника. Мне нужно проехать и выбрать правильный путь, чтобы где-то не оказалось наледи. Наледь — это вода, выступающая на лёд. И когда техника попадает в наледь, то ей очень трудно оттуда выбраться. Нужно так выбрать путь, чтобы техника не провалилась, чтобы не наехала на какое-то препятствие, которого может

вызвать её повреждение. И на мне лежит такая ответственность — быть первым. Когда на меня налагали такую ответственность, мне очень приятно было, я думал: «Господи, мне вместе с Тобой надо идти».

Когда я первый раз попал в тайгу на вездеход, я вставал раньше всех. Рабочий день начинался с восьми, а я вставал раньше всех, где-то часов в шесть. Я шёл в вездеход, а на у улице минус 36, 38, 43, 45 мороза. Вездеход заглушенный, холодный и в нём лишь ветра нет, а так температура такая же, как и на улице. Я становился там на колени и просил у Бога милости, чтобы Господь мне дал мудрости, как запустить технику, чтобы она запустилась при таком морозе. Просил Бога мудрости на то, чтобы отработать день и не нанести вред бригаде, чтобы люди, которые со мной будут работать от меня не потерпели ущерба, чтобы я не застрял нигде, чтобы не задержал их, чтобы не создал им каких-то трудностей. Я дрожал, в этом вездеходе стоя на коленях, и просил у Бога милости и благословения. И Бог посылал помощь!

Я вообще никогда в жизни не думал, что на вездеходе буду работать, я думал что буду летать, как мой отец на вертолете. Братьям я рассказывал немножко и они говорят, что рожденный ползать летать не может. Так мне Бог и усмотрел в жизни. Я встретился с человеком, который научил меня работать на вездеходе. Он точно так же хотел летать на вертолете. И мы с ним два несостоявшихся вертолётчика встретились. Он говорит «Ну что, брат Даник, будем учить тебя ползать. Меня Господь научил ползать, теперь я тебя буду учить этому».

Как хорошо, когда мы о чём-то мечтаем. Что-то себе представляем, планируем. Ну как хорошо, когда Бог нас поправляет где-то в жизни, и мы не сопротивляемся исполняя Его волю. И пошли тем путём, которым направляет нас Бог. Путь – это движение в одну сторону, всё в одном направлении. Это не дорога натоптанная, по которой можно ходить вперед и назад. Путь — это движение в одну сторону. Говорят — жизненный путь. Возвращается кто-нибудь назад? Ну никак не возвратишься назад.

Сегодня 8 ноября? А день этот повторится в вашей жизни? Нет, никогда не повторится уже. Вы сделали снимок фотоаппаратом только что. Прошло две секунды, пять, десять, пятнадцать минут — этот фрагмент запечатлелся. Это было пять минут назад, но это уже прошлое, которое не повторится никогда.

И мы смотрим, как Господь нас проводит по этому жизненному пути. Эти фрагменты, как снятые фотографии отпечатываются и откладываются и из них складывается наша жизнь, наш жизненный путь. И как прекрасно, когда мы соглашаемся с тем, что Господь делает в нашей жизни.

Хочу рассказать, как Господь направил мой жизненный путь.

В 2004 году, в Любучанах была конференция по благовестию. И тогда, это общение в Любучанах, власти разогнали. Все силы приложили к тому, чтобы противостоять этому «сборищу», как они называли. Тот человек, который этим руководил со стороны властей, через некоторое время погиб. Сгорел в собственной машине, даже двери не смог открыть. Тогда он кричал: «Я здесь Бог для вас, меня слушайте!». И потом с ним так случилось. На следующий год, в это же время опять намечалась конференция по благовестию, там же, в Любучанах.

На то время я жил в Киеве и работал крановщиком, машинистом башенного крана. У меня работа была 12 часов в день, то есть с 7 утра до 7 вечера. Я вставал в 4:30 утра, уделял час с лишним на то, чтобы почитать и помолиться. И мне далеко было ехать, у меня на дорогу ещё час с лишним уходил. Мне нужно было проехать на маршрутке, потом на метро с пересадкой на станции, потом на автобусе, и тогда я уже приезжал на место работы. Это было в пригороде Киева. Работа с 7 утра до 7 вечера. В 7 часов собрания. Пока я добираюсь до Молитвенного дома, то прихожу или уже на конец проповеди, или Церковь стоит на коленях молиться, или выходит из Молитвенного дома. И работал я так 6 лет. И никогда, в среду и в пятницу, я не шёл мимо Молитвенного дома. Я шёл в Церковь на «аминь», на протяжении шести лет. Один раз у меня болела голова, я был в посте в пятницу и болела сильно голова, и в тот раз я пошёл домой. Мне было очень плохо, было тяжело, что я прошёл мимо. А надо было проходить мимо Молитвенного дома и пройти ещё 10 минут к дому. Мне было очень плохо, после этого я больше никогда так не делал. Хотя приходил на конец собрания.

В Любучанах было общение в субботу и воскресенье, а в Киеве проходило общение в четверг и пятницу. В первый вечер приезжаю на это общение в Киеве и мне говорят «Брат Даник, ты такое пропустил, такое общение хорошее». А говорили они это потому что у меня было служение фонотеки. Это сейчас все мгновенно происходит в цифровом формате. А мы записывали служения на кассеты, в том числе и общения. Каждое воскресное собрание я записывал проповеди на кассету и потом распространял, развозил по периферии. А перед этим нужно было запись размножить, чтобы в каждый поселок или деревню привезти эти кассеты. С огромным желанием бабушки, братья и сестры разбирали эти записи. И для меня это очень важная информация была и к тому же это ответственность и служение такое.

На второй день приезжаю, братья опять мне говорят:

- Брат Даник, ну столько ты пропустил…

Я говорю:

- Завтра общение в Любучанах. Предлагаю поехать туда на конференцию.

- Ты что, как мы поедем, надо же молиться.

А для нас это было удивительно, потому что наш служитель, Яков Ефремович, нас, молодежь, никуда не отпускал. За пределы Киевского объединения, практически никуда нас не отпускал. А результат, я вам скажу, вся молодежь на то время и сестры вышли замуж, и братья женились, и у всех благополучные семьи, и ни у кого никаких проблем нет. Со всеми я сейчас имею общение, и у всех все хорошо, слава Богу. Строгий дедушка у нас был, его охарактеризовали так — всадник на коне с шашкой. Хотя иногда он сам говорил: "Простите меня, братья и сестры, что я такой вредный, а по-другому я не могу".

Может быть строгость его была, с одной стороны, очень полезной для нас.

И братья мне говорят:

- Как мы поедем? Это 860 километров до Москвы. Мы никогда на такое расстояние не ездили?

- Мы сейчас помолимся и поедем.

В нашем составе брат Василий, Максим Рудич, сын Василия Никифоровича Рудич, еще один брат с молодой женой, недавно женился. Вызываем Якова Ефремовича, Василия Никифоровича зовем, чтобы спросить, можно ли нам поехать. Они беседуют с нами и Яков Ефремович спрашивает:

- А вы не кататься собрались ехать?

- Нет, мы на служение хотим съездить.

- Ну хорошо, давайте помолимся.

А брат Максим пошёл отпрашиваться у мамы, а ему 22 года. Он был регентом в собрании. Я наблюдал эту картину. Собрание ещё идёт, последняя проповедь, мы вызвали Василия Никифоровича и Якова Ефремовича. Мама его, сестра Мария, в зале сидит. Я смотрю, пошёл он, я ничего не слышу, только вижу. Он пошёл, сел возле неё, сказал ей, а она сидит неподвижно, руки сложила и никакой реакции. Проходит некоторое время, она повернулась, сказала ему что-то, и я смотрю у него голова опустилась. Потом он опять что-то ей сказала, она снова ничего не отвечает. Чуть позже повернулась что-то сказала, а он ещё ниже голову опустил. Повторю, брату 22 года, он регент, служение несёт и пошёл у мамы отпрашиваться. А Василий Никифорович говорит «Если мама отпустит тебя, поедешь». Он возвращается: «Мама отпустила».

И мы поехали, четыре брата и сестра. Я очень переживал, мы знали, что в прошлом году разгон был такого общения, и как сейчас это всё будет происходить. Чем ближе мы приближаемся, тем у нас больше нарастает волнение. В Московскую область въехали, уже подъезжаем к Любучанам, Максим мне говорит:

- Если милиция будет стоять, то вообще не останавливайся. Просто проезжай, не обращай внимания на них, даже если махать будут.

- Хорошо.

Выезжаем на первый перекресток останавливают нас. И у меня страх сильный, я человек переживательный, волнительный. Руки затряслись сразу и я остановился. Окно открываю, подходит милиционер и спрашивает:

- Куда следуете?

- На общение едем.

И к нашему удивлению он поспешно говорит:

- А, ну вот так проедете прямо, там направо повернёте, и дальше будет поворот. А там ещё один наш сотрудник будет стоять, он вам покажет.

Мы в недоумении, что случилось-то? В машине тишина полная я не знаю, ехать мне дальше или не ехать. Сейчас на следующего нарвёмся, что там дальше будет. Сделали поворот, доезжаем до следующего перекрестка, там ещё один стоит милиционер, тоже останавливает.

- Вы куда?

- На общение?

- Вот сюда проезжайте, - показывает рукой вдаль, - И там можете машину поставить.

Мы были очень удивлены. Доезжаем до места, где стоят пятиэтажные дома и рядом небольшой дворик, в котором были машины.

Мы оказались на небольшом холме, с него спуск вниз и перед нами открылась долина, большое огромное поле, на котором стоит огромный шатёр. А в нём пять тысяч человек поют христианское пение. Это пение раскатывается по этой долине, докатывается сюда, на холм поднимается, ударяется в здание и откатывается назад. Мы встали на краю холма, стояли и плакали, ... и молились, и благодарили Бога: «Господи, как величественна трапеза Твоя в виду врагов Твоих!»

То, что было в прошлом году, и что сейчас происходит, что Бог делает! Мы приехали на это общение с огромным восторгом, с желанием увидеть и услышать, что Бог хочет сказать и сделать в нашей жизни.

Стояли люди неверующие, слушали прекрасное пение — пять тысяч человек! Это величественное торжество. Стояли сотрудники милиции, было оцепление. В прошлом году они разгоняли, а теперь они стояли и охраняли нас, чтобы никакого происшествия не случилось, чтобы кто-то не вздумал причинить ущерб. Какая величественная была эта картина. До сих пор, сколько бы ни вспоминал этот момент, как прекрасно, что мне Бог предоставил это увидеть, услышать и побыть там. Я до сих пор помню о чём там проповедовали. Смотря на переводчика для людей, которые плохо слышат — он пение переводил и я понимал, что он показывает. Мне так приятно было и интересно смотреть. Как человек прямо звучание передает руками. У него руки как ноты были. Так удивительно для меня это всё было. Может быть, другой человек смотрел и для него не так это всё выглядело, но для меня это было очень удивительно.

Проповеди были очень хорошие, я вспоминаю фрагмент из книги «Счастье потерянной жизни», когда дедушка на собрание приехал, сидел в первых рядах, и всё собрание по коленкам себе хлопал, и приговаривал «Не даром! Не даром!» И я вам скажу, что всё собрания я сидел и по коленкам себя хлопал. Много я там услышал для себя полезного, благодатью наполнилось моё сердце от этого общения. Мне очень было приятно. Это общение совершило в моей жизни очень большой поворот. Там Алексей Яковлевич Куркин проповедовал, братья Петр Дудинков и Николай Дудинков участвовали в этом общении. И случилось нам, мы сидели на обеде, а так как с нами был Максим, сын служителя Василия Никифоровича, мы оказались за одним столом с братьями-служителями. И рядом мне случилось сидеть с Алексеем Яковлевичем Куркиным. И это такой человек, который ни одного шанса, ни одного момента не упускал для того, чтобы с кем-то побеседовать. «Брат, ты можешь поехать туда?» или «Сестра, будет неплохо, если бы ты поехала туда, в ту местность. Как ты думаешь, как ты считаешь? Помолись Господу...». Он рассказывал один пример, через некоторое время приезжает в ту церковь:

- Брат, ну как ты, побеседовал?

- Мне с женой надо поговорить…

- Ну, как ты? Побеседовал с женой, решил вопрос.

- Да, но ещё надо молиться.

Алексей Яковлевич говорит:

- Хватит молиться, ехать надо. Надо действовать.

А брат решил там время оттянуть. Он всегда видел тех людей, которые способны и могут служить Богу. Такое Господь ему давал веденье.

Я оказался вместе с этим человеком рядом, внутренность моя очень волновалась. Напротив меня сидит брат Максим и Алексей Яковлевич спрашивает его:

- Максим, ну что, когда ты на Север поедешь?

А слово «Север» для меня с самого детства — очень тревожное слово. Я родился и прожил 7 лет в Дудинке, на Таймыре. Потом мы переехали на Украину, там приобрели жильё. Так многие делали и делают сейчас тоже. И 25 лет я прожил на Украине. И когда я обратился к Господу, я стал молиться «Господи, где Ты усматриваешь мне быть?» Для меня был труд на месте. «Или Ты усматриваешь мне здесь жить?» Своего жилья у меня не было, я жил на съемной квартире. «Или Ты усматриваешь мне поехать в другое место?» Так я шесть лет обращался к Господу с такой молитвой, с 1999 по 2005 год.

И вот он спрашивает Максима:

- Когда ты на Север поедешь?

Максим смущенный брат, голову опять опустил и говорит:

- Не знаю.

У него служение, он регент, он тоже без дела не сидит, он занят. И для него сейчас прямо ответить на это трудно. А я спрашиваю:

- А мне можно?

- А ты кто такой?

Я начинаю ему рассказывать, что родился в Дудинке.

- В Дудинке?!

Он прекрасно знал, что это за город, потому что Валентин Яковлевич Фот там был и не один раз. Николай Семенович Мазурин посещал Таймыр, и ездил по посёлкам. Он очень близко знаком был с братом Олегом Любич, который и до сих пор там живёт с семьей, ответственный за Таймыр.

Я говорю, да я родился там и потому для меня ничего такого необычного нет, что там вы рассказывали. На этом общении рассказывали какие условия на Севере, и что там нет такого, что открыл кран и вода побежала... Да, я жил в таких условиях, где не было воды в доме и не было канализации. Всё это вынести и принести нужно. Всё это там, на улице. А брат Лёша (Кондратов) вам говорил какие погодные условия у нас бывают. Есть такое у нас погодное

явление называется «черная пурга», это когда на вытянутую руку ничего не видно вокруг.

Я его спросил и он говорит «Ну, хорошо!». Мы побеседовали.

— А куда бы ты хотел поехать?

- Куда скажете, туда и поеду. Я согласен на все.

- Надо ехать в Туру.

А Тура это Эвенкия, Илимпийский районный центр. Про Туру я знал по слайд-фильмам. Там совершал благовестие Валентин Яковлевич Фот, и там он крещение преподавал: в Байките, в Полигусе, в Куюмбе, в Туре. И так как я занимался фонотекой, я знал об этих поселках из распространяемых в Братстве слайд-фильмов и не более. Но меня никак не страшило, где я окажусь. Вообще не волновал меня вопрос условий, в каких буду находиться — вообще об этом не думал. Не подумайте, я не хвастаюсь, просто говорю, какое состояние у меня было. До чего Бог нас доводит и что Он с нами совершает и что Он делает.

- Всё, хорошо, езжай в Церковь, там скажешь, а я позвоню Василию Никифоровичу и мы поговорим.

Я приезжаю в Церковь и сообщаю, что собрался ехать. Василий Никифорович говорит:

- Даник, куда ты собрался? У нас тут свой Север.

Конечно, у нас там периферия: Марьяновка, Лебедевка и другие посёлки, куда я непосредственно ездил, потому что был водителем на микроавтобусе. Один микроавтобус на Церковь был. Больше не было никакого транспорта совершенно. Ни одной машины больше ни у кого не было. 75 членов тогда было у нас в Киевской Церкви, на улице Бакинской. И на этой одной машине мы ездили в Борисполь.

По служению у нас в понедельник молодёжное, молодёжь в посте до обеда. Или как и кто определялся. Вторник день свободный был. Среда — молитва и пост о родственниках, о наших детях, о семьях. Четверг – спевка, пятница – молитвенное собрание и тоже в посте. Суббота – благовестие, разъезжались по периферии. Воскресенье – в посте до обеда, по желанию, кто хотел. Вот такая жизнь молодёжи была. У нас не было руководителя, молодёжи было 25 человек, и у нас не было руководителя. Мы сами организовывались и решали все вопросы. Нам Яков Ефремович немного подсказывал, когда мы к нему обращались, а так в основном все вопросы решали сами. Иногда было, что Яков Ефремович запрещал некоторые поездки.

А меня всё время молодёжь к нему посылала, потому что я водитель на машине и просто старший по возрасту был. И они меня всё время под танк бросали. Иди ты договаривайся, иди ты один. Я часто у них дома был и часто ночевал у Якова Ефремовича, поэтому они меня и посылали к нему. Иногда такие разговоры были:

- Яков Ефремович! Отпустите, молодёжь просит, что я им скажу?

- Так, не искушай Господа и меня не искушай! Всё, будь здоров!

Представьте, вот бы вам так ответили? Сейчас братья служителя могут так отвечать? Вы слышали

такие ответы от них? Вот у нас такой служитель был и у меня ни грамма огорчения на него не было. И никогда мысли у меня не было «как он может так говорить, грубиян какой-то». Никогда! И мы слушались. Мы слушались и не ехали. Кто-то возмущался, может быть, немножко. Потом это все проходило, а потом мы увидели, какое благословение дал нам Бог. Мы научились слушаться! Это великое благо – научиться слушать старших. Это очень большое благословение.

О намерении ехать на Север я рассказал Василий Никифоровичу, и он не особо хотел, чтобы я ехал.

- Ну хорошо, давай будем молиться по этому вопросу.

Настал день, когда меня поставили перед Церковью, чтобы сказать о том, что я собрался уезжать. Я стоял, а братья служителя так сидели, объявили вопрос, а я стоял и смотрел на служителей боком к Церкви. И Яков Ефремович говорит:

- Даник! Церковь сейчас должна решить твой вопрос. Посмотри на Церковь.

Я поворачиваюсь, обращаю свой взор на Церковь. Да, я, может, человек впечатлительный, но я скажу передо мной торжественная картина открылась. Передо мной сидели ни братья, сестры, бабушки, дедушки, Я увидел перед собой войско, в латах, в шлемах со знаменами. Мне вспомнилось это место — Церковь как полки со знаменами. Повернувшись к Церкви, увидел это войско, в шлемах солнце отражается, с мечами и с копьями стоят воины. А потом видение отошло. И сидят бабушки вместо воинов. Оказывается, видите, кто у нас воины? Видите, почему вы здесь? Понимаете, почему вы здесь находитесь? Вон те бабушки, которые где-то там, может быть, сзади сидят, которые с палочками ходят — сколько они проливают слёз о нас и возносят молитв, чтобы мы были здесь. Какой труд совершается в Церкви! Вообще, может быть, мало кто задумывался об этом. Много усилий прилагается к тому, чтобы вы переступили порог, чтобы сделали этот шаг, чтобы вы шли сюда, чтобы встретились с Тем, Кто вас ждёт, Кто простирает к вам руки любви в Своей крови, пролитой за наши грехи.

И когда настал этот момент, торжественное событие было для меня, я поехал. Я ничего и никому вообще не говорил из молодёжи. Я билет взял тихонько просто, и только один знал, когда еду. Не знаю, как просочилась информация о дате моего отъезда. За день до этого меня молодёжь зовёт, заводят в зал, а там пир устроен. Стол поставили, накрыли его. Я вспоминаю сейчас и мне очень радостно, что у меня такие прекрасные друзья. Мы сплоченными были в один кулак. В одно целое. У нас не было никакой разрозненности. И мне сейчас очень приятно вспоминать. Я так хотел посетить их этим летом, но ситуация с эпидемией изменила планы. Я уже звонил, договаривался, что приеду и встретимся, служение проведем совместно, но не получилось.

Меня пригласили на этот последний торжественный ужин. Сколько я пожеланий услышал для себя — радостных, приятных. Они блокнот взяли, и тут же, прямо на этом общении, каждый писал пожелания, вклеивал фотографию. Этот блокнот составили в течение полутора часов, пока это собрание проходило. Его не готовили там где-то заранее. Этот блокнот я все время с собой вожу, на работу беру с собой, перелистываю эти пожелания, и вспоминаю, какие у меня друзья прекрасные, каких друзей мне даровал Бог, какая у нас молодежь!

Я поехал не один, со мной ехала семья на Дальний Восток. Они до сих пор там совершают служение, порт Ванино, Хабаровский край. Я в Красноярске вышел, а они поехали дальше.

В Красноярске меня встретили. И надо было на самолет в Туру, в Эвенкию. Приезжаем в аэропорт, билетов нет, только на подсадку. А подсадка это значит, что нужно приезжать под рейс и когда кто-то не полетел, опоздал, отказался, свободное место окажется и на него могут подсадить. Но в тот день не получилось, и пришлось ехать на следующий день. Я ночевал в Доме молитвы, брат, который возил меня в Красноярске - Андрей Монов, везёт меня из аэропорта назад и спрашивает:

- Ну что, куда тебя?

- В Дом молитвы, наверное.

- Ну, что ты в Доме молитвы будешь один? Поехали к нам.

У него было семь детей, по-моему, маленький домик. Мы тогда подружились, и прошло 15 лет и мы очень хорошие друзья. Так я приобрёл себе ещё одних друзей.

На следующий день он повёз меня на самолёт. Получилось тогда мне сесть на самолёт, лечу в самолёте. У меня большая радость, потому что в детстве я на таком самолёте уже летал. У нас эти самолёты до сих пор летают — это Ан-26. Это старый-старый самолёт. У него обивка внутри еще 70-х, 80-х годов. И мне так приятно было, я маме пишу сообщение «Мама! Я лечу в самолёте, в котором летал 30 лет назад».

Рядом женщина села. На мне костюм, и я сразу Библию открыл, сижу, читаю. Она поворачивается и говорит:

- Баптист?!

- Да!

- С Украины?

- Да.

- В Туру?

- Да. А откуда вы знаете?

- Да вас, две недели уже десант туда забрасывают. Приезжаете и приезжаете... Откуда вы набрались?

А за две недели до моего приезда случилось там одно событие. Обезглавили православного священника в этом посёлке. И братья порешали, чтобы отправить туда братьев и все прилетали в Туру, а дальше по посёлкам разъезжались.

Лечу в этом самолёте, мы разговорились с этой женщиной, она знает об этих событиях прекрасно, оказывается она жена майора полиции, начальника полиции в Туре. У нас очень хорошая беседа состоялась. Я свидетельствовал, рассказывал, дошёл уже до того момента, что она мне говорила, что старается жить правильно и все у неё хорошо... А я подвел мысль к тому,

что, а вдруг экзамен... Мы летим в самолёте, и вдруг что-то?

- Не надо вдруг чего! У меня двое детей, мне домой надо. Зачем вдруг чего?

И после этих слов через 15 минут, как начал этот самолёт крыльями махать, как птица. Так что стюардесса, которая вышла, за дверной проём держалась, чтобы устоять на месте. Попали мы в болтанку (турбулентность), а уже заходил на посадку и 20 минут до посадки осталось, уже снижался самолёт и попал в болтанку. И стюардесса объявляет, что самолет по непогоде в Туре, будет совершать посадку в посёлке Байкит. То есть развернётся назад и на 600 километров назад полетит. Женщина сильно расстроилась, сразу молитвослов достала и давай читать. Я ей говорю:

- А что же случилось-то?

- Страшно же.

- Вот видите. А так Господь нас и подводит к тому, что оказывается, не просто там верующие, хорошие люди и Бог, это что-то такое далёкое. Оказывается, это серьёзные вопросы в жизни. Это касается жизни и смерти, то, что написано в Библии. Только если вы не по молитвослову, а своими словами из сердца обратитесь к Господу, тогда будет результат.

Но она так расположилась сердцем и спрашивает:

- А ты куда, в Байките?

А я помню по слайд-фильму, в Байките есть верующие.

- У меня там друзья, я найду, где мне быть.

Пять тысяч населения посёлок. Она так удивилась:

- А ты что уже здесь был?

- Нет, первый раз в жизни.

- Номер телефона хоть возьми, если вдруг вопросы возникнут. Позвони мне, и я тебя устрою в гостиницу.

- Ладно, хорошо.

Выхожу из самолета, багаж оставили в самолете. Я к таксистам:

- Куда?

- В Дом молитвы.

- Адрес?

Посёлок большой, пять километров длиной. Но он понял куда везти. Как раз была первая молитвенная пятница месяца и тема о тружениках на Ниве Божьей. Я захожу в Дом молитвы, а собрание заканчивается.

Скажу, что в поселка, во время собрания, чтобы открылось дверь и кто-то зашёл, это необычное

явление. Потому что все знают, что больше, кроме здесь находящихся, никто не придёт.

Открывается дверь, я захожу, тоже встал на колени, помолился вместе со всеми, чувствую взгляды все на меня. Человек 15-17 было. Владимир Иванович Мамонтов там руководящий брат был, собрание заканчивается, спрашивает:

- А ты брат кто такой? — видит, что я вроде по внешности брат.

- Я из Киева.

- Из Киева?! А как ты сюда попал? А мы слышим, что самолет не по расписанию прилетел.

Я объяснил ситуацию. Он паспорт у меня проверил, документы. Спросил, кто служителя.

- А ты регистрированный или не регистрированный?

- Я из братства Совета Церквей.

- А, ну тогда проходи.

Всё серьёзно. Он меня к себе домой забрал, успокоился что всё нормально, свой человек прилетел и пошёл показывать мне своё богатство. Один вездеход в гараже, второй вездеход в гараже. КАМАЗ «Батыр» стоит на колесах больших. Катер стоит «КС» большой. А я-то человек технический тоже, и он узнал, что я человек технического направления:

- Вот поле труда. А я братьям звоню, звоню... В Прокопьевск звоню, в Красноярск, чтобы мне брата прислали. А они всё не отправляют и не отправляют. А тут ты пролетел.

Звонит он Алексею Яковлевичу:

- Тут нам брат с неба упал. Можно он останется здесь помочь мне? А то я братьев прошу, чтобы помогли мне, но никак не получается.

Я трубку взял:

- Даник, ну что? Поможешь Владимиру Ивановичу?

- Конечно, помогу. Я же вам сказал, куда отправите, я там и буду.

И так вот летел я в Туру, сел в Байките и остался в Байките на целый год.

В поместной Церкви я участвовал по силе возможности. А в основном мы готовили технику с Владимиром Ивановичем и на этой технике я потом поехал на работу. Когда я приехал в бригаду, до этого момента я проехал на вездеходе две недели бок о бок с Владимиром Ивановичем немало. Мы били зимник из Байкита на Полигус — 200 километров. Бить зимник — это значит, как я уже говорил, проходит вездеход, и этот вездеход делает колею, чтобы потом могла пройти остальная техника. А должен был пройти целый караван техники, они должны были завести на Полигус необходимые запчасти для сейсмопартии. Ехал я с ним две недели, всё это время он мне теорию преподавал. Прошло некоторое время он отправляет меня на этом большом вездеходе, выполненном на базе танка Т-34, АТС — артиллерийский тягач средний, кабина у него очень большая и если поперек лечь даже ногами до двери не достанешь. Очень мощный вездеход 14

тонн весом, лебедка у него большая. Он отправляет меня на этом вездеходе на работу. Мы приезжаем, опять же он за рычагами, а я за рычагами проехал один километр только. Мы приезжаем туда в бригаду, он представляет меня начальнику: вот вездеход, вот водитель, всё, будьте здоровы и обратно уехал. А я встал... куда идти, что и как... Меня провели, показали где буду жить, балок на 4 человека, деревянный, на деревянных санях, внутри печка-буржуйка топится. Вот твоя шконка, здесь будешь жить, вездеход там можешь ставить, вот столовая в ней мы питаемся.

Ребята сразу зашумели «Новый вездеходчик, сейчас у нас работа пойдёт...» они ждали эту технику, всё нормально. И вопросы посыпались:

- Давно на вездеходе работаешь?

- Первый день.

- Как первый день!? Да ты что!?

Побежали они к начальнику партии и говорят:

- Как же мы с ним работать будем? Первый день он только на вездеходе.

А начальник партии, Николай Павлович, хорошо знал Владимира Ивановича Мамонтова и он говорит:

- Вы не переживайте, это верующие, там всё нормально будет.

Я вам говорил, как я молился и просил Бога милости. Я не знал, как с этой техникой обращаться. А она сложная. Сложность в мороз запустить. Надо котлом разогреть и прочее, я не буду заострять на этом внимание. Пошли мы на работу, работаем, всё нормально.

Одно событие хотел отметить. Я кушал в столовой вместе со всеми, заходил и в столовой всегда вслух молился. Я знал, что если в первый раз не помолишься вслух, потом не сможешь. Я зашёл в столовую на первый приём пищи, а там сидят мужики, у них свои разговоры... Я встал, они тут же взоры на меня направили:

- Что встал-то? Тарелку поставили перед тобой. Садись, ешь.

- Я помолюсь.

- Чего?

- Я помолюсь.

Помолился вслух, а в это время у меня все дрожало — руки дрожали, ноги дрожали, голос дрожал. Но я помолился. Тишина вокруг. Я сел и ем, а они не едят. У них пауза. Потом пришли в себя и давай есть. Я покушал, встаю, опять помолился, поблагодарил Господа за пищу, и попросил Его, чтобы Он благословил повара Сашу. На этом закончилось.

В следующий раз я прихожу, тоже помолился, поел, сидим кушаем, ни одного слова ругани. До этого там свои разговоры и маты, скверные слова, а тут сидим, кушаем и ни одного плохого слова. Я никому не говорил, что это грех. Мне не надо было никому говорить. Я просто

помолился. Ни одного слова ругани не было. Я не слышал вообще до конца времени пока там работал, ни от кого, в своё присутствие таких слов. Даже когда садились ко мне в вездеход, и кто-то начинал ругаться, то уже сидящие в нём осекали:

- Нормально себя веди.

- А что такое?

- Тебе сказали нормально, и разговаривай нормально.

И человек перестал говорить те слова, которые говорил обычно.

Однажды, когда я был в столовой уже заканчиваем прием пищи, я встаю, мужики разговаривают, а повар громко так:

- Тихо! Тихо! Сейчас молиться будет, тихо!

Я встал, помолился, поблагодарил Господа и повара тоже. Потом прохожу мимо него, он говорит:

- Спасибо тебе!

- Да мне-то за что?

- Так хорошо ты молишься!

- Мы все так молимся, это обычное дело. Мы же люди, мы же с Господом общаемся…

Объяснил я ему и так приятно было, он потом ещё лучше готовил. В прошлом он был прапорщик в армии. И вообще старался справляться со своими обязанностями, очень хорошо готовил. И отношение у меня стало настраиваться с людьми вообще по-другому. Ребята стали за меня вступаться: «Ты не волнуйся, если что, мы тебе поможем. Не переживай».

Они видят, как я отношусь к технике, к работе и если что вдруг случится, они готовы были помочь.

Один момент такой был. У меня работа была такая, я уезжал далеко с топографом, работа называется баронивелирование, это привязка профиля к местности. Мы с этим топографом ехали на профиле, профиль — это просека в тайге и по дороге через каждые 50 метров пикет, то есть или палочка стоит и на ней номер написан, или на этом месте есть дерево, сделан затёс и тоже написан номер. Возле каждого пикета нужно останавливаться, и топограф на компьютере делает замеры через спутник. У меня на крыше вездехода тарелка-грибок стоит и я должен остановиться точно напротив этого пикета. Ни вправо, ни влево — допуск 15 сантиметров веред-назад. И вот я еду и через каждые 50 метров останавливаюсь. А работали так, километр проезжаешь туда, потом километр назад, потом этот километр опять проезжаешь и дальше работаешь. Мы уезжали за 20 километров и больше. Уезжали на два, три, четыре дня. А там я, Павел — товарищ мой и вездеход и больше никого нет, и тайга кругом, лес. Связь только один раз в сутки, в 9 часов утра по рации «Ангара», которая у нас в вездеходе стоит. Если с тобой что-то случилось, жди связи. Через два часа с половиной техника замерзает и всё. Если вдруг с двигателем что-то произошло, в такой мороз два с половиной часа и всё — техника застыла. И уже ничего не сделаешь. Нередко находили людей в технике замерзших в то время.

И одна ситуация такая была, меня отправили в сопровождение с топливозаправщиком. Этот топливозаправщик должен был на расстояние 70 километров отвезти топливо. Был очень долгий рейс, скорость по тайге 10-11 километров в час, посчитайте сколько мы могли ехать. Около 8 часов ехали, а усилие на рычаг 14 килограмм. Один паренёк сел за рычаги моего вездехода, танкист, в танковых войсках служил. Рычаг потянул и сам к нему притянулся.

- Что такое?

- Такая работа у меня.

- Там гидравлика стоит?

- Нет, это так рычаги тянутся.

В одну сторону я его сопроводил, он слил топливо, и подумал, что я и обратно его буду сопровождать, там дорога сложная была, я его на тросе вытаскивал, и в наледь мы попадали, в общем на тросе я его тащил чуть ли не полдороги. Обратно команду даёт начальник партии мне уходить на другой профиль, а этому водителю возвращаться назад на базу. Водитель по рации кричит начальнику:

- Палыч! Да ты что? Я не доеду, я не доеду. Он меня полдороги на верёвке тащил, я не доеду.

- Нам надо, чтобы вездеход уходил на работу. Ели вдруг чего, в 9 часов выйдешь, мы по времени увидим, что тебя нет, навстречу вышлем технику.

Он очень просил, но тот ему отказал.

Я ему говорю:

- Дядь Саша, давайте я помолюсь и вы поедете.

- Ну, помолись.

Я помолился, попросил благославения на путь, чтобы Господь его сохранил, а я знал эту дорогу. Я-то тоже знаю, как ему сложно ехать. И вот он уехал. Через три дня мы вернулись. Только въезжаем на территорию базы, бежит этот дядя Саша и кричит:

- Данила, точно Бог есть! Я доехал, я доехал! Точно Бог есть!

Друзья, как приятно такое слышать. Человек получил откровение сам, я ему не объяснял, не рассказывал ему, просто помолился и всё.

Так я отработал целый сезон с этими людьми. На следующий год, когда я уже уехал на Таймыр, мне Владимир Иванович говорит:

- Звонит начальник партии, вся партия хочет, чтобы ты приехал к ним на работу на этот сезон.

- Я уже на Таймыре, я не могу.

Были вот такие события в жизни.

Я что хочу сказать, друзья, дорогие души. Мне так понравилось, обращаясь к Церкви, один брат

вставал и говорил «Дорогие дети Божьи». Действительно, мы другой раз не задумаемся, как нас ценит Бог, как драгоценна каждая душа в очах Его.

Мне вспомнилось место писания «Лучше жить у порога в доме Божьем, нежели жить в шатрах нечестия». Какое короткое расстояние. Видели порог при входе. Что нужно сделать, чтобы его переступить? Один шаг сделать. Какое короткое расстояние, но как сильно оно оказывает потом влияние на нашу жизнь. Или ты у порога вне Дома Божия, или ты у порога Дома Божия, но внутри. Это очень большая разница.

Когда я был в Эвенкии, я лично не видел этого случая, но мне рассказывали. Одного человека нашли замерзшим, упавшим в сторону дверей его дома, и рука у него 5 сантиметров не дотянулась до этих дверей. И он там замерз, прямо у дверей избушки. Пять сантиметров он не добрался до спасения. Такое короткое расстояние. Переступить порог и ты спасен. А вне дверей? Нет.

Сегодня для многих из нас Бог предоставляет возможность принять решение. Кому-то может быть это решение принимать страшно. Но Господь говорит «не бойся, не бойся, Я с тобой, Я держу тебя за руку». Сколько любви в этих словах! Господь даёт нам жизнь и жизнь с избытком. "Всё Моё твое тебе сегодня Я даю. Я всё тебе даю. Приходи и бери. Возьми, просто возьми и всё. Просто протяни руки и возьми". Это же не трудно.

Я заметил один момент, в отличие от вчерашнего дня. Те, кто сидели здесь на передних лавочках, оказались на балконе. Вы от кого ушли? Вы братьев испугались или мы что-то такое страшное здесь рассказали? От кого вы туда спрятались? Мне кажется, оттуда трудно вам будет выходить сюда. Но если Бог побуждает вас, если Господь касается вашего сердца, не поленитесь, пожалуйста, пройти сюда. Я вижу тех, которые сидели здесь. Бог великие чудеса совершает в нашей жизни, но и определяет время тоже.

Пусть Господь вас благословит, дорогие друзья. Те, кому есть, с чем обратиться к Отцу, обратитесь, пожалуйста.

Я по месяцу дома не бываю и как-то приехал домой, зашёл и все дети меня сразу облепили. Кто за что смог вцепиться так и повисли на мне, я иду переодеваться они за мной, я умываться они со мной. Маленькая табуреточку мостит, чтобы прямо мне в лицо заглядывать, когда я бреюсь. Я на кухне, а они вокруг меня сели, чтобы кушать вместе. Кто-то сверху даже сидит у меня на шее, у кого возможность есть. Я подумал, вот все хотят быть с папой. И после этого, когда это увидел, я встал на колени и обращаюсь к Господу, "Господи, я тоже так хочу быть с Тобой! Мне так хочется с Тобой! Какие моменты у меня были, что я отдалялся от Тебя! Прости меня, пожалуйста, мне сейчас так хочется быть с Тобой, чтобы в Твоих объятьях находиться, чтобы Ты меня своей любовью согрел, чтобы было у меня утешение, которое Ты даёшь, а такое утешение никто из людей не может дать".

Ни от какого близкого или любимого человека вы не получите это. Никогда! Только у Бога, у Его ног и в Его объятиях вы можете обрести эту благодать.

Пусть Господь поможет вам сделать этот шаг. Чтобы вы могли переступить этот порог, чтобы быть со Своим любящим Отцом, который ждёт каждого из нас. Пусть Господь пошлёт нам

помощь. Давайте мы помолимся. И не молчите, пожалуйста.

Брат Даниэль Осипчук. Молодёжное общение, 2020 год.

Комментарии
